

сближения и взаимодействия России и Австралии. Но это невозможно без освобождения от мифов, без непредвзятого изучения и осмысления истории русско-австралийских связей. Интересно и умно написанная книга А. Ю. Рудницкого способствует наведению мостов между двумя странами, которые, как справедливо отмечает автор, теперь не только разъединяет, но и сближает Тихий океан.

Д. Д. Тумаркин

Примечания

- ¹ См.: 100 Years of Australian Scientific Explorations/Ed. Stanbury P. Sydney, 1975. P. 15—24.
- ² The Australian People. An Encyclopedic Dictionary. Sydney, 1988. P. 124; Price Ch. Russians in Australia: A Demographic Survey//Russia and the Fifth Continent. Aspects of Russian-Australian Relations. St. Lucia, 1992. P. 78.
- ³ См., например: Barratt G. The Russians and Australia. Vancouver, 1988.
- ⁴ Хотимский К. Русские в Австралии. Мельбурн, 1957.
- ⁵ См., например: Кабо В. Р. А. Л. Яценко и его путешествие в Австралию//Сов. этнография. 1957. № 6; Петриковская А. С. К истории российско- и советско-австралийских связей//Страны Тихого океана. М., 1988; Пучков П. И. Этническое развитие Австралии. М., 1987. Черненко А. М., Гоцуляк В. В. Русская революционная эмиграция в Австралии (1900—1917). Днепропетровск, 1978.
- ⁶ Опубликованная недавно статья на эту тему (Butinov N. A. Miklouho-Maclay in Australia//Russia and the Fifth Continent. P. 39—53) почти не содержит новых фактических материалов и тоже в значительной степени посвящена деятельности Миклухо-Маклая на островах Океании и его борьбе в защиту островитян.
- ⁷ См.: Chub Dm. New Guinea Impressions (In the Footsteps of Myklukho-Maklay). Newport, 1981, а также критический отзыв на эту книжку: Hotimsky C. M. Book Reviews//Newsletter of the Miklouho-Maclay Society of Australia. 1985. V. 6. № 1. P. 14—15. Побывав в Сиднее в мае—июле 1992 г., я убедился в том, что эти разногласия еще более обострились после распада СССР и проявляются, в частности, в спорах по поводу создания музея и культурного центра в доме, где в 1884 г. жил И. Н. Миклухо-Маклай.

№ 1992 г., ЭО., № 6

В. А. Балашов. Бытовая культура мордвы. Традиции и современность. Саранск, 1992. 255 с.

Сокращение в последние годы тиражей научной (в меньшей степени научно-популярной) литературы приводит к тому, что некоторые даже значительные по своему содержанию работы могут довольно долгое время оставаться не известными специалистам, работающим в той же области знаний. Это особенно относится к книгам периферийных авторов, в том числе — к живущим в национальных республиках Российской Федерации, а в частности к рецензируемой книге, опубликованной тиражом в 1 тыс. экземпляров, что никак не соответствует актуальности темы, научной значимости этого произведения, да и его полезности для анализа процессов, проходящих в многонациональном Поволжье. Ее автор — известный мордовский историк и этнограф В. А. Балашов — как бы подвел своей книгой итог длительных исследований по этнографии мордвы и заложил базу для аналогичных исследований соседних этносов, в том числе и живущих там русских.

Тематика «бытовой культуры» или просто «быта» (в книге эти понятия употребляются по существу синонимично) занимает центральное место во всех традиционных этнографических исследованиях. При этом содержание «быта» как комплекса устойчивых повседневных форм жизни людей понимается большинством этнографов в широком смысле, включающем «общественный быт» и «производственный быт», которые обществоведы — философы и социологи обычно исключают из этого понятия. Широкого понимания «быта» придерживается и В. А. Балашов, тем более что основное внимание он уделяет сельской мордве, а у нее общественный и производственный быт гораздо более тесно связан с семейным, чем у горожан. Впрочем, большинство городской мордвы, по крайней мере в Мордовии, к территории которой привязаны основные материалы, использованные автором, представляет собой сравнительно недавних переселенцев из сельской местности, сохранивших многие черты деревенского быта. Рассматривая понятие «быт», должен сказать, однако, что широкое толкование его советскими этнографами как комплекса устойчивых и типичных черт повседневной жизни людей не претворяется ими в практике исследований: если следовать логике, то в него нужно было бы включить и повседневно-«повсеночную» сексуальную жизнь людей, в которой есть немало специфических этнокультурных традиций и установок, но которая до сих пор стыдливо-ханжески обходится вниманием. В этом отношении нам, видимо, придется действительно учиться у зарубежных этнографов (культурных или социальных антропологов).

В структурном отношении книга В. А. Балашова делится на три части, названные соответственно: «Бытовая культура мордвы во II половине XIX — начале XX века», «Бытовая культура сельской мордвы в советское время» и «Общественный быт». Эти части разделяются на отдельные тематические

главы, в которых автор рассматривает экономико-хозяйственные аспекты и материально-вещные компоненты бытовой культуры (поселения и жилища, одежда, пища), семья, семейный быт и семейные обряды, общественно-политический быт и т. п. Все это, должен признать, сделано обстоятельно, с хорошим знанием дела, с использованием материалов специальных социолого-этнографических обследований 1985—1990 гг. и с привлечением сравнительных данных по русским и татарским крестьянам Мордовии, что существенно обогатило работу и раздвинуло ее рамки. Весьма интересны и сравнительные характеристики отдельных компонент быта (особенно в сфере материальной культуры жизнеобеспечения) у двух основных субэтнических групп мордвы — эрзи и мокши. Все это делает рецензируемую работу первым обобщающим историко- и социолого-этнографическим исследованием быта сельской мордвы с его многообразием и динамикой, в которой важные культурно-бытовые изменения (отчасти за счет заимствований) сочетаются с этнической преемственностью и расширяются в социально-политическом отношении.

Сказанное не означает, разумеется, что В. А. Балашов поставил, как говорится, последнюю точку исследования в столь обширной и проблемной области, как история развития сельского быта, его состояния и тенденции развития. В этой области есть еще много недостаточно изученного, например в сфере психологии сельского жителя, которой наши этнографы обычно почти не касаются; не вполне разработаны и некоторые методологические вопросы исследования, на чем мне по долгу рецензента хотелось бы остановиться несколько подробнее.

Перед каждым автором комплексного исследования изменений различных компонент быта за длительный исторический период встает альтернатива: рассматривать ли изменения каждой из этих компонент в отдельной главе за весь период или разделить такой период на две или более значимых частей и рассматривать изменения каждой из компонент внутри выделенных «подпериодов». Первый метод может дать более последовательную динамику, второй — лучше обеспечить комплексность анализа внутри каждого из исторических подпериодов. В. А. Балашов пошел по второму пути, традиционно разделив главы текста о быте сельской мордвы на часть о досоветском времени и часть о советской эпохе, но в такой структуре работы оказались некоторые изъяны. Последние обусловлены тем, что в результате революции 1917 г. довольно резко и быстро изменился лишь общественно-политический быт; что же касается большинства других сторон быта, и особенно тех из них, которые связаны с материальной стороной жизнеобеспечения («материально-вещных компонент быта»), то изменение их началось задолго до 1917 г. и растянулось на десятилетия после него; характерно, что глава, посвященная этим проблемам, которая помещена автором в часть книги о советском времени, содержит много материалов и по их дореволюционной эволюции. Следует учесть также, что советский период был далеко не однороден: советский быт 1920-х годов явно отличался от быта 1930-х, а тем более — 1970-х годов. Поэтому для всех работ подобного типа структура с тематическим делением материала по главам без основополагающего подразделения на досоветское и советское время представляется мне предпочтительней.

И еще об одном очень важном аспекте работы. Сделанный В. А. Балашовым обстоятельный обзор изменений быта сельской мордвы за более чем столетний период вводит его самого и читателей его книги в круг важных и острых вопросов о причинах упадка за годы советской власти крестьянской жизни и о возможных путях ее возрождения. Пад ответами на эти вопросы будутся главным образом экономисты и социологи, но от них трудно уйти и этнографам. Автор показал свою осторожность в этом отношении, часто предпочитая описательный подход аналитическому; тем не менее, многие его положения сформулированы достаточно четко, и на некоторых следует остановиться. В нашей публицистике применительно ко всей советской истории сейчас излишне пользуются дегтем, поэтому должен сказать, что разделяю в целом положительную оценку В. А. Балашовым преобразований сельского быта в первый период советской власти, особенно в части ликвидации неграмотности, повышения статуса женщин и др. Не следует, однако, игнорировать и некоторые негативные стороны этого периода; отмечу, что автор, обстоятельно рассмотрев «общественно-политический быт» того времени, не уделил внимания деятельности комитетов бедноты, которые, насколько мне известно, были сформированы и в мордовских селах; между тем именно эти комитеты, подминавшие под себя сельские советы, во многом обострили так называемую классовую борьбу в деревне и подготовили коллективизацию по сталинской схеме.

В. А. Балашов критикует многие стороны жизни колхозного села, и эту критику можно было бы дополнить некоторыми другими фактами; следовало бы сказать более четко, например, о неполномправном, по существу крепостном положении колхозников, о том, что председатели колхозов, выполняя обычно роль приказчиков на службе у райкомов, сами могли вершить судьбы рядовых колхозников, побуждая некоторых из них искать спасения в уходе из деревни, и т. д. Показательно, что даже, казалось бы, всемерно позитивные в своей основе мероприятия советского правительства, вроде внедрения всеобщего среднего образования в условиях колхозной деревни, где такого образования многим по характеру работы явно не требовалось, могли также приводить к негативным результатам, побуждая молодежь к переселению в города.

И все же, несмотря на недостатки советского колхозного строя, многие идеи коллективного труда в сельском хозяйстве и коммунальной организации быта еще не потеряли своей привлекательности, а с учетом опыта израильских киббуц — и возможной эффективности. К этому следует добавить и традиционную крепость мордовской сельской общины, связанной в прошлом и организационной коллективных молений по тем или иным случаям жизни, о чем подробно пишет В. А. Балашов (с. 66). В своей книге он не приводит, к сожалению, данных о том, насколько популярны идеи о приватизации земли и чуть ли не повсеместном переходе от колхозов к фермерскому хозяйству среди мордовских крестьян, но его исследование укрепило мое убеждение в том, что организация сельского быта на фермерской основе будет очень трудным, длительным и болезненным делом. В

развернувшихся в последние годы процессах имеется немало негативного; «в некоторых областях общественной жизни, — отмечает автор, — уменьшение концентрированности власти в центре привело к усилению произвола местных органов управления в отношении большинства населения» (с. 206), и такой антидемократизм, судя по всему, будет еще долго продолжаться.

Известно, что в пределах Мордовской республики живет лишь около трети всего мордовского населения страны. В связи с этим В. А. Балашов ставит задачу «создания механизма, обеспечивающего в дальнейшем полнокровное развитие всех мокшанских и эрзянских диаспор» (с. 242). Полагаю, что это должно быть темой специального исследования.

В. И. Козлов

© 1992 г. ЭО, № 6

В. А. Юрченков. Хронограф, или Повествование о мордовском народе и его истории. Саранск, 1991. 368 с.; В. Абрамов. По следу времени (исторические очерки). Саранск, 1991. 304 с.; С. Бахмутов, В. Лантун. Разорванное ожерелье. Саранск, 1991. 256 с.

В наши дни потребность в историко-краеведческой литературе возросла. Это, безусловно, связано с большими переменами, происходящими в стране, подъемом национального самосознания народов, переоценкой пройденного ими исторического пути, со стремлением покончить с чрезмерной идеологизацией исторической науки, докопаться до подлинных корней тех или иных событий и явлений, выявить достоверные тенденции их развития, воссоздать воистину научную историю каждого народа. Указанные изменения в общественном сознании происходят и в Мордовии. Подтверждением тому является выпуск Мордовским книжным издательством в последние годы целого ряда книг (научных и научно-популярных) по истории, археологии, этнографии, ономастике, краеведению.

Предметом нашей рецензии являются три книги, вышедшие в 1991 г. (их названия вынесены в заголовки).

Как замечает В. А. Юрченков в предисловии, его книга могла быть написана только благодаря многолетнему кропотливому труду, поискам сотен и сотен исследователей — историков, археологов, этнографов, архивистов. Непосредственных ссылок в тексте на труды этих исследователей нет — указаны лишь наиболее важные из них в списке литературы, приложенной в конце «Хронографа». Книга состоит из научно-популярных очерков, отражающих наиболее важные этапы истории мордовского народа — происхождение мордвы, ее жизнь на протяжении двух тысячелетий, борьбу с иноземными захватчиками. Кроме того, в книгу включены и рассказы — художественные произведения, персонажами которых являются как исторические, так и вымышленные герои.

Сразу скажу, что не все очерки написаны одинаково хорошо. Одни удались больше (особенно посвященные более поздним этапам истории мордвы), другие — гораздо меньше, что во многом зависело не только от автора, но и от качества источников. Мордовский народ долгое время не имел своей письменности — его история, особенно древняя и средневековая, в значительной мере воссоздается на основе археологических, этнографических, лингвистических, ономастических, фольклористических и других материалов, интерпретация которых требует особых знаний, специальной подготовки.

Именно здесь следует быть максимально осторожным в выводах, необходима тщательная проверка не только заключений авторов, исследовавших эти проблемы, но и самого фактического материала. К сожалению, это не всегда удается В. А. Юрченкову. Например, в очерке «Миф и археология» он вслед за некоторыми другими авторами некритически воспроизводит выдуманный П. И. Мельниковым по библейскому образцу миф о Чам-пасе и Анге-патай как мордовских божествах — создателях мироздания и людей. Согласно этому мифу, некий Чам-пас был провозглашен изначальным верховным богом мордвы, творцом всего видимого и невидимого мира, управляющим им через подчиненных ему богов и богинь. Все эти божества якобы находятся в родственных отношениях между собой, происходя от матери-богини Анге-патай, сотворенной Чам-пасом и являющейся его женой.

Известный мордовский этнограф М. Е. Евсеев писал по этому поводу А. А. Шахматову: «Мельников при составлении своих очерков мордвы пользовался (без указания источника) описанием мордвы Мильковича... Мельников все перечисленные у Мильковича моления принял за божества, приписал им фантастические свойства и сочинил ряд молений этим божествам... Я уверен, что Анге-патай Мильковича (это выражение я больше нигде не встречал) получилось из выражения Мильковича *ате-покишай* — прадед, предок»¹.

В очерке «На рубеже тысячелетий» В. А. Юрченков неправильно называет меты на полевых запашках, ушах домашних животных, «бортные знамена» термином *метше*, что по-мордовски означает «звезда». На самом деле они назывались *метшкс*. В очерке «Сказания и карты иностранцев» допущена серьезная ошибка при цитировании сочинения П. Витсена «Северная и Восточная Татария». Характеризуя религиозные верования мордвы, голландский ученый писал, что они «не молятся идолам»². По Юрченкову же получилось, что они «молятся идолам» (с. 236).

Исходя из согласия с утверждением автора о том, что «западноевропейцы практически не ехали в Россию с целью научного изучения страны и ее народов» (с. 234). Даже те ограниченные материалы, которые он сам приводит, не позволяют согласиться с таким тезисом. И вряд ли прав В. А. Юрченков, используя такое выражение, как «цивилизация Европа» (с. 236). Такая односторонняя и,